

Валдемар Люфт

Московский расклад

Наконец-то отпуск. Мы с женой давно мечтали поехать в Москву. Экономили каждый цент. Путёвки стоят довольно таки дорого. Но один раз в несколько лет можно было себе позволить такое удовольствие. Конечно, было бы лучше поехать в Москву летом, но летний отпуск мы оставили для поездки к морю.

Перед самым отъездом жена позвонила своей давней подруге в Казахстан. Они перезваниваются иногда. Я тоже раньше звонил ей. Вернее, её мужу и моему другу Жоре, которого на самом деле зовут Жандарбеком. С некоторых пор наши отношения испортились. Почему-то я чувствовал себя виноватым перед ним, но не осмеливался сделать первый шаг к примирению. После телефонного разговора жена вернулась из спальни чем-то очень озабоченной.

— Что случилось? — спросил я.

— Голос Алии какой-то траурный. Поссорилась с мужем? Может быть, мне это только показалось. Я спросила её, как дела у Жоры, а она ответила, что уже три недели его не видела. Странно...

Я не придавал этому разговору особого

значения. Да и некогда было долго размышлять. Надо было паковаться. Утром рано нас должен был увезти в аэропорт Мюнхен двоюродный брат жены. Дочка тоже приставала с вопросами. Она летала один раз в самолёте, но тогда ей было всего несколько месяцев. В ночь перед отлётом она долго не могла заснуть, часто просыпалась, будила нас и спрашивала, не пора ли уже выезжать в аэропорт.

В аэропорту Мюнхена и в самом самолёте всё было буднично и привычно: длинные очереди у стоек регистрации, томительное ожидание приглашения в самолет, суета и неразбериха в салоне в первые минуты, еле заметное движение к взлётной полосе, рёв двигателей, многотысячная сила, вдавливающая тело в сиденье, мимолётный страх и пришедший покой, когда открылось голубое небо. При посадке в Шереметьево всё повторилось в обратном порядке. Странно, что пассажиры почему-то одновременно рвутся к конвейеру с багажом, пытаюсь занять места в первом ряду, как будто боятся, что если именно сейчас они не завладеют своими чемоданами и сумками, то позже их уже никогда не увидят.

Быстро пройдя таможенный досмотр, мы сели в такси и поехали в гостиницу. Дочь очень расстроилась, что проспала весь полет, и теперь, не отрываясь, смотрела в окна. Она так много слышала от своих родителей о России и о Москве, и теперь

была немного разочарованна. Город оказался таким же, как все города в Германии, в которых она успела побывать. Тот же бесконечный поток машин, тот же насыщенный выхлопными газами воздух, те же озабоченные и отрешённые от всего пешеходы. Только улицы оказались пошире, дома не покрыты привычной красной черепицей, и рекламы нельзя было прочесть из-за непонятных букв. Но, в общем, она была довольна увиденным.

В Москве было холоднее, чем в Мюнхене. Выпавший перед Новым годом снег лежал кучками и на солнце слегка подтаивал. В скверах и вдоль тротуаров, там, где не заезжала дорожная техника, он ещё искрился белизной, но там, где дорожники усердно поработали, смешанный с солью снег выглядел желтоватым. Талая вода, вытекавшая из под снежных кучек, стекала к дороге и пешеходы вынужденны были прижиматься к домам, чтобы не быть забрызганными проезжающими машинами.

Номер в гостинице оказался на седьмом этаже. Из окна были видны широкий проспект, река и мост через неё, и за несколькими улицами большой дворец. Уличный шум до седьмого этажа почти не доходил. Люди на проспекте выглядели маленькими, безликими, и все куда-то торопились. Некоторые из них вбегали в чёрный провал и исчезали под землёй. Автобусы, трамваи и легковые машины казались игрушечными. Как по

чьей-то команде, они вдруг останавливались на перекрёстках, и дорога тут же наполнялась машинами разных марок и красок. Поток людей на тротуарах делал неожиданный поворот на 90 градусов, пересекал перекрёсток перед стоящими в ожидании железными монстрами, вливался в людскую массу на другой стороне и так же исчезал под землёй. Какой-то незаметный дирижер махал палочкой, зигзаг людского потока исчезал, и машины, сорвавшись с тормозов, уносились по своим делам. На вопрос дочери, куда исчезают люди, мне долго пришлось объяснять про метро. Она всё равно ничего не поняла. Метро в своей короткой жизни она ещё не видела и не могла представить себе, о чём шла речь. Договорились с женой в первую очередь провести её по московской подземке, тем более что собирались как раз посетить «Детский Мир». До него можно было бы дойти пешком, но чтобы показать дочери метро, решили спуститься недалеко от гостиницы на станцию «Кузнецкий мост», сделать хотя бы две пересадки, выйти недалеко от центра и потом уже пройти к магазину.

Москва сильно изменилась. Последний раз я приезжал сюда пятнадцать лет назад. Было странно видеть проспекты, забитые машинами иностранных марок, разноцветные и броские рекламы, шикарные лимузины и надменных богачей в них. Там, в

Германии, я к этому привык, а здесь сознание воспринимало всё это как чужеродное. Мало того, мне постоянно чего-то не хватало. И только когда жена с сарказмом проговорила: «Рекламы смотрятся намного лучше, чем идеологические плакаты», — я понял, что Москва избавилась от этих безвкусных идеологических шедевров, висевших раньше на фасадах домов и утверждавших, что народ и партия едины, что только Брежнев (Андропов, Черненко...) настоящий ленинец, а профсоюзы — школа коммунизма. Этот идеологический маразм был надет на Москву, как водолазка с глухим воротником и длинными рукавами. Теперь ей разрешили надеть платье с глубоким вырезом на груди и оголить плечи. И как завершающий штрих к модному одеянию, засверкали золотом и свежей праздничной краской купола церквей и дворцы Москвы. От этого Москва не стала хуже, а наоборот, помолодела и похорошела.

Универсальный магазин был, как всегда, наполнен людьми. Магазин назывался «Детский мир», но удивительно, что его постоянные посетители — взрослые. Тянулись сюда за покупками для своих детей командировочные со всей России, гости из-за границы и просто празднующиеся. Мне припомнилось, как в последние годы агонии Советской власти суетилась

людская масса на этажах магазина в поисках чего-то неординарного для своих родных чад. Тщетно. Полки были тогда набиты скучными плюшевыми медведями, тиграми, кошками и другой замысловатой тварью, или, вернее, пародией на зверей. Кукол было много, но все они напоминали строгих учительниц сельских школ, и если кто-нибудь одну из таких кукол и покупал, тот, мне кажется, наносил своему ребёнку психическую травму, которая сказывалась не сразу, а через годы. Отсюда, наверное, такое бездушие у современной молодёжи. И одежда в других отделах была преимущественно бесцветной и отнюдь не претендовала на оригинальность. Иногда появлялось что-то интересное и дефицитное. Тут же образовывалась огромная очередь. Я помню, как простоял в очереди с утра и до позднего вечера, чтобы купить для моего племянника меховое пальтишко. На моей руке чернилами был написан номер начинающийся, примерно, с третьей сотни и с этим номером я получил долгожданную покупку только перед закрытием магазина. При этом, нужного размера не оказалось, и я вынужден был взять пальто на два размера больше.

Теперь здесь было всё по-другому. Светились разноцветные рекламы, глаза разбегались от обилия товаров. Полки заполнены коробками с электроникой, деталями для конструирования,

одеждой на любой вкус и цвет. Исчезли барьеры с каменными продавцами. Молоденькие девушки приветливо улыбались, заставляя покупателя только из-за этой улыбки что-нибудь купить. Небольшие очереди были, как исключение, к кассам, но и они двигались без ненужных длинных остановок.

Наша дочь видела такой большой магазин, с таким обилием детских товаров, впервые. Там, в Германии, мы её водили выбирать себе игрушки в маленькие специальные магазины, где можно было купить всё, что для ребёнка нужно. Дочь хотела сначала Lego, потом ей захотелось набор детской кухни, никелированный велосипед ей тоже очень понравился. Она долго выбирала себе куклу Барби, но всё же согласилась с нами, что у неё в комнате их уже достаточно. В конце концов, мы купили ей пушистое бальное платье. Наша маленькая модница любила наряжаться к праздничным мероприятиям и это платье ей пришлось по душе. Женская натура всё равно побеждает. Да и мы были рады. Пакет небольшой и не будет особенно влиять на вес багажа.

Наездившись на метро, натолкавшись по магазинам, усталые мы вернулись в гостиницу. Дочь задремала на последнем перегоне метро. Пришлось её нести на руках, а жена тащила наполненную всякой всячиной сумку. Нам надо

было ещё позвонить моему другу, жившему недалеко от Москвы. Я звонил ему месяца за два до нашей поездки и говорил, что хотим выбраться в Москву, но точную дату приезда не называл. Не хотел, чтобы нас торжественно встречали, и чтобы мы потом весь свой отпуск провели завёрнутыми в услужливое и навязчивое гостеприимство. Может быть, так размышлять с моей стороны было нехорошо, но жена, в конце концов, со мной согласилась, и, поэтому, несмотря на расходы, решили заказать гостиницу.

Звонил другу вечером.

— Эдик, как дела? Как погода в Германии?

— Я звоню не из Германии, а из Москвы.

— ...?

— Ну, что ты молчишь?

— Ну, ты даёшь! Не мог позвонить, что ли?

Мы уже не друзья, по твоему?

— Не обижайся, Гена. Мы просто решили вас со Светой не беспокоить. Хорошо устроились в гостинице.

— И дочка с вами?

— Ну конечно. Вон, спит как убитая от усталости.

— Меня шеф попросил завтра поработать. Надо закончить отчёт за прошлый год для налоговой инспекции. Я встану пораньше, и постараюсь на фирме побыстрее управиться с

делами. Оттуда поеду сразу в вашу гостиницу.

Мы договорились, что на следующий день Геннадий приедет за нами и заберёт нас к себе.

Начинался вечер. Можно было ещё раз выйти в город и побродить по вечерней Москве. Но после полёта и дневной толкотни уже никуда не хотелось. Жена включила телевизор, уменьшила до предела громкость и переодевшись в домашний халат устроилась рядом со спящей дочкой на кровати. Мне остался маленький диван, который был предусмотрен как спальное место для дочери. Я, скрючившись, устроился на нём и наблюдал, как на экране у Малахова о чём-то спорили две пары. Уже было время идти на ужин, но не хотелось будить дочь. Да и голодными мы не были. Так и заснули с включенным телевизором.

Гена приехал за нами в 11 часов. Мы уже позавтракали и ждали его у гостиницы. Я купил газету и в ожидании друга читал последние московские сплетни. Хотя мы и не виделись уже несколько лет, но своего друга детства я узнал сразу. Правда, он немного погрузнел, на голове ещё чётче обозначились залысины и из глаз исчез присущий ему озорной огонёк. Да, годы берут своё. Хотя старыми мы ещё не были. Он обнял меня, мою жену, поцеловал в щёчку застеснявшуюся дочку, задал несколько дежурных вопросов, и мы пошли к его машине. Она стояла недалеко от гостиницы, на

запрещённом для стоянки месте, но, к счастью, никто не успел ещё обнаружить нарушителя правил. Хотя, впрочем, я думал так с позиции жителя германского города, где каждое маломальское нарушение тут же наказывается денежным штрафом. Вокруг машины Гены под запрещающими знаками стояло несчётное количество машин и никого это не тревожило.

Долго ехали по запруженным улицам Москвы. Несмотря на воскресный день, машин было много, и движение постоянно стопорилось. Наконец, вырвались на кольцевую и оттуда уже на Шоссе Энтузиастов. Скорость повысилась, напряжение водителя спало, и мы смогли спокойно предаться разговору. Гена был родом из моего села. Мы учились в одном классе. После школы я поступил в институт, а он провалил вступительные экзамены и военкомат призвал его в армию. Ему повезло. Он попал служить в Москву. Закончил в учебке автокурсы и два года возил на служебной машине генерала. На дочери своего шефа он и женился. Генерал помог своему зятю после службы поступить в институт, где уже училась его дочь. Он же устроил Геннадия на хорошую по тем временам работу. Генерал несколько лет назад умер, оставив единственной дочери большой особняк в подмосковном городке, дачу, машину и кучу денег, которые за несколько месяцев после похорон

превратились в бумажный мусор. Престижная работа оказалась в разгар перестройки тоже ненужной, и теперь Гена работал экономистом в какой-то частной фирме. В трудные времена, чтобы продержаться на плаву, генеральскую «Волгу» пришлось продать. Теперь жизнь у него наладилась. Фирма платила своим работникам хорошие деньги. Гена смог приобрести новый «Москвич» и был рад, что удержался от продажи дачи и особняка своего тестя. Особняк он сдавал теперь под контору какому-то из новоявленных банков, а сам с женой и двумя детьми жил на даче.

Дача находилась недалеко от Москвы. За Салтыковкой, на берегу большого пруда, в окружении сосен стояло несколько двухэтажных домов, построенных, по-видимому, во времена застойного разгула. Такие дачи мог позволить себе только самый высший слой пролетарского руководства. Везде и во всём чувствовался размах и богатство. Дача строилась на века из отборного кирпича, леса и современных материалов. Первый этаж был кирпичный, второй из сосновых брёвен и заканчивалось всё массивной крышей с черепицей. Чувствовался европейский размах. Да, генерал был предприимчивым и основательно постарался для своей семьи. Должность начальника снабжения генерального штаба неплохо послужила ему. Если такая дача, то каков же особняк в городе?

Об этом я только подумал, но спрашивать хозяев тактично не стал.

Внутри тоже всё было по высшему классу. Просторная кухня с массивным столом посередине, кухонными шкафами и импортными кухонными агрегатами. В зале стояла старинная, видимо, конфискованная из какого-то заброшенного дворца и реставрированная мебель. Толстые ковры лежали на полу и висели на стенах. На втором этаже мебель была попроще, но всё равно впечатляла своим натуральным деревом. Особенно внушительно в комнатах выглядели роскошные хрустальные люстры. Я вспомнил электроотдел в своем супермаркете. Самые дорогие лампы оттуда выглядели бы перед этими люстрами убого и униженно. Не говоря уже о мебели. Я видел, как замкнулась в себе дочка, оказавшись в такой обстановке, и жена опешила, видя такое богатство, которое в Германии можно было увидеть только в музеях или в старинных особняках бывших князей и их приближённых.

— Откуда такая роскошь?! — удивленно спросил я.

— От тестя осталось, — коротко глянув на жену, ответил хозяин. — Спасибо, папа постарался.

Его жена засмеялась. Видимо они привыкли к таким вопросам и уже не реагировали на удивление гостей. Да, действительно, к роскоши быстро

можно привыкнуть. Кому-то Ройлс-Ройс кажется маленьким, а кому-то «Запорожец» — предел мечтаний.

Светлана, жена Гены, позвала на кухню. Я её знал ещё по моим прежним командировкам в Москву во времена Союза. Их дочь была тогда маленькой, а теперь рядом с мамой на кухне хлопотала красивая девушка, и стеснительно выглядывала из-за различных укрытий ещё одна девочка лет пяти. Старшая девочка, расставив на столе всё необходимое, тут же взяла шефство над моей дочерью и через несколько минут вошла к ней в полное доверие. Скоро и младшая осмелела и включилась в их полудетский, полувзрослый разговор. Я теперь был по-настоящему рад, что мы с женой не прекращали разговаривать со своей дочерью по-русски. Она понимала своих собеседниц и сама, хоть и с большим акцентом, тараторила без остановки, вставляя в свои предложения немецкие слова.

За столом разговорились. Моя жена, не знавшая раньше Свету, быстро нашла с ней общий язык. Мы рассказывали о жизни в Германии, они о трудностях во время перестройки. Света работала в детском саду воспитателем.

— Ты же закончила биологический факультет в Университете? — удивился я.

— Было с работой трудно. Когда Людочке

исполнилось два годика, тут недалеко в детском саду место нянечки освободилось. Работающим там места для детей в садике давали без очереди. Вот, сама работаю, и дочка пристроена. Я довольна. Зарплата невысокая, но теперь, когда у Гены на работе дела пошли, нам хватает. И меня уже воспитателем перевели. Первое время было трудно. Кое-какие ценности, оставшиеся от отца с матерью, пришлось продать или заложить. Слава Богу, всё это позади.

— Да, сейчас нам стало легче. Снова знакомые начали объявляться, которые все вдруг во время перестройки куда-то исчезали. Как будто стали бояться друг друга. У нас со Светой были времена, что даже на хлеб денег не хватало. Я нанимался разгружать за пару червонцев вагоны на товарной станции. У тестя, когда он ещё жил, знакомых было много. Здесь на даче каждую субботу кто-нибудь гостил. Когда он умер, я пытался кое-кому из бывших друзей тестя звонить. То никто телефон не поднимал, то секретарши отвечали, что шефа на месте нет, а если и заставал кого, то он оказывался не в лучшем положении, чем мы со Светой.

После обильного обеда вышли гулять. Погода держалась морозная, но ясная. Недалеко от дачи находился небольшой пруд. Сквозь высокие сосны пробивалось солнце, и гладкий лёд красиво блестел

под его лучами. Местами у берега, в незамёрзших полыньях, плескались дикие утки. Грунтовая дорога тянулась вдоль пруда. Иногда хвойный лес расступался, открывая вид на очередную дачу. Гена со Светой давно привыкли к этим дачам, а мне с женой было в диковинку. Одна дача выглядела красивей другой. Новых построек не было. Все дачи были построены давно, массивно, с размахом и не похожие друг на друга. Я помню, как в Германии мой сосед, владевший дачным участком, рассказывал, какую нервотрёпку устроили ему чиновники из строительного отдела только за то, что он позволил себе установить на своём участке маленький, в два квадратных метра, домик для инструментов. По закону площадь под застройку в их дачном обществе не должна была превышать 10 квадратных метров, а он превысил на целых два квадрата! Какой шок для него был, когда он получил извещение, что за нарушение правил пользования участком его без всякого предупреждения исключают из членов огородного общества. Почти год мой сосед доказывал потом чиновникам, что он не верблюд. Здесь же, недалеко от Салтыковки, в тихом сосновом лесу стояли не дачи, а дворцы, видимо, возведённые тогда, когда коммунизм всё же был построен, только не для всех, а для отдельно взятых личностей.

Надышавшись свежим, хвойным воздухом,

нагулявшись по тропинкам нехоженного леса и вдоволь наговорившись, вернулись к даче. На столе уже стоял свежесваренный чай. Старшая дочь моих друзей оказалась заботливой хозяйкой и выставила к нашему приходу коробку конфет, печенье в тарелочке и самодельное варенье. Гена и Света уговаривали остаться ночевать, но я знал, что им с утра на работу, и хотя Гена обещал позвонить на фирму и отпроситься на один день, мы с женой решили всё же ехать в свою гостиницу.

Москва встречала ярким светом реклам. Светились фонари и окна открытых ещё магазинов. С вечером надвигался лёгкий морозец, мокрый асфальт парил, создавая причудливую хмарь вокруг светящихся объектов. Через чуть припотевшие боковые стёкла машины смутно просматривались спешащая людская масса. Размытые фигуры людей напоминали мотивы картин Сальвадора Дали и нагнетали грусть. Наговорившись за день, въехав в Москву, мы молчали, каждый по своему осмысливая прошедшую встречу. Я провёл ладонью по стеклу, освобождая его от влаги. Гена повернул на улицу, ведущую к гостинице, и остановился у светофора. Дружная толпа пересекала перекрёсток перед «Москвичом». Чуть ли не задев бампер машины, спешил к метро молодой человек. Он мельком глянул в нашу сторону. Во мне внутри вдруг всё сжалось, как от

предчувствия нависшей опасности. Я впился глазами в этого человека, но он уже отвернулся от машины и, не сбавляя темпа, быстро шёл к входу в метро. Что это!? Показалось мне, или это действительно тот человек, о котором подумал. Загорелое южное лицо, короткие усики под горбатым носом, холодные ощупывающие глаза. Когда-то на юге я встречался с ним. После той встречи у меня осталось чувство прикосновения к чему-то скользкому и опасному. И как тогда, несколько лет назад, во мне вдруг начала мучительно ныть душа. Неужели это Губат? Человек, который держал в руках уголовный мир тех мест, где я родился, который был способен на убийство, и к услугам которого я когда-то обращался. Мне трудно было в это поверить. Но страх всё равно засел во мне. Жена почувствовала что-то и спросила:

— Ты что, Эдик, так затих и задышал тяжело?

— Сыро, воздуха не хватает. Да и устал за день, — отговорился я.

Подъехали к гостинице. Тепло попрощались с Геной, пообещав ему звонить вечерами. Дочь, утомившаяся за целый день, в машине заснула, и её снова пришлось нести в номер на руках. Уложили её на диван и сели к телевизору. В город выходить не хотелось. Тем более, что дочь спала. Не оставишь же её одну в номере. Да и мы тоже устали

за целый день. Хотелось тишины и покоя. Я перестал думать о встреченном привидении перед светофором, успокоился, и теперь наслаждался теплом, исходящим от жены, и фильмом из моего детства, начавшемся по телевизору. Эту идиллию вдруг разорвал телефонный звонок. Звонил мобильный телефон, который не должен был звонить, так как мы с женой твердо договорились оставить свои мобильники дома. Он лежал в сумочке жены, громко звонил и вибрировал. Жена выскользнула из моих объятий, поспешно вытащила телефон из сумочки, нажала на зеленую кнопочку и спросила «Алло». Кто-то громко говорил в телефон. Я решил, что звонят родственники жены, знавшие, что мы в Москве и с досадой подумал, что жена-предательница нарушила уговор, и не стал отвлекаться от фильма. Жена, чтобы не будить дочь, ушла разговаривать в ванную комнату. Минуты через две она выглянула оттуда и поманила меня рукой. Я прошёл к ней. Она протянула мне телефон. Я взял мобильник и приложил к уху.

— Эдик, я не знаю, что мне делать. Жора пропал. Его телефон не отвечает. Сегодня мне звонил какой-то тип и сказал, что если Жора в течение недели не объявится, то с моими детьми может что-нибудь случиться. Эдик, что делать?! Где может быть Жора!?

Женщина была в панике. Я ничего не понимал.

— Алия, успокойся, объясни мне всё спокойно, — сказал я, пытаюсь её успокоить. — Ты знаешь, куда уехал Жора?

— Могу только догадываться, — женщина помолчала, видимо успокаиваясь. — Он говорил, что ему надо лететь в Италию. Но должен был сначала в Москве остановиться. Эдик, почему эти люди ищут Жору? Почему он молчит? Может быть, мне в милицию пойти? Они, наверное, знают, куда он поехал.

Я слышал, как в телефон снова начали всхлипывать.

— Алия, ты же можешь детей отправить на отгон к отцу Жандарбека. Отправь их туда. В милицию не ходи. Посмотри в его бумагах, возможно, найдёшь какой-нибудь адрес или номер телефона в Москве или в Италии. Если найдёшь что-нибудь, позвони мне. Это всё, что я могу тебе сейчас посоветовать. Отправь детей сразу же с утра.

Моя жена стояла растерянная возле меня. Я выключил телефон, но на душе остался осадок чего-то недоговорённого. Особенно мучительно было сознавать, что женщина ждёт от тебя помощи, а ты ничем помочь ей не можешь. От сознания этого мне стало даже стыдно. Как быть, как и чем помочь Алие? Где действительно Жора? Жена

вопросительно смотрела на меня, видимо, ожидая ответа на вопросы, которые я сам себе уже поставил. Если бы я знал ответ...

Мы вернулись из ванной в комнату. Моё лирическое настроение, навеянное близостью женского тела и фильмом моего детства, исчезло. Жена ждала, что я заговорю первым и виновато молчала. Я же не знал, о чём с ней говорить. Вдруг вспомнились холодные глаза южанина у перекрестка. Если это был действительно Губат, то мне не хотелось бы ещё раз встречаться с ним. От этого человека веяла скрытая опасность. Жора был когда-то связан с ним. Собственно говоря, из-за сознания того, что мой друг входит в круг друзей Губата, из-за открывшейся вдруг мне правды, чем они занимаются, я прекратил связь с Жорой. Но от этого он не перестал быть моим другом. А Алия продолжала переписываться и перезваниваться с моей женой, искренне веря, что в нашей дружбе и в отношениях между мной и Жорой по-прежнему всё в порядке. Она продолжала наивно верить, что её муж ездит за границу для выполнения каких-то поручений от крупных фирм и за это получает хорошие гонорары. Если бы она знала, какие поручения он выполняет.

Наконец, жена не вынесла молчания и спросила:

— Как ты думаешь, где может быть Жора?

— Я не знаю, Лида, где он может быть.

— Почему ты не советуешь Алие в милицию идти? Ты что-то знаешь или догадываешься?

Вопросы жены раздражали. Я действительно догадывался, для чего он поехал в Москву и зачем ему нужно в Италию. Скорее всего, опять какое-нибудь грязное задание — кого-нибудь убрать или хорошенько припугнуть. Понравится ли Жоре, если он узнает, что его разыскивает родная милиция? По-моему, он меньше всего хотел бы этого.

— Лида, не спрашивай, — раздраженно ответил я жене. — Откуда я могу знать, зачем он в Москву полетел. И вообще, ты же знаешь, что я с ним уже года четыре не разговаривал по телефону. Зачем надо было вообще брать с собой мобильник? Мы же с тобой договаривались?!

— Извини, я просто забыла его выложить дома. Эдик, как-то же надо помочь Алие! Если Жора действительно в Москве, можно же его найти.

— Как ты это себе представляешь? В Москве 10 миллионов жителей, и гостей, наверное, миллиона два. Мне что, выйти и на каждом перекрестке кричать «Жора» или «Жандарбек»?! Отзовётся, может быть?

— Ну что ты, Эдик, обижаешься, — примирительно сказала жена, — можно же здесь в гостиницах или даже в милиции справки навести.

— Лида, мы же приехали сюда отдыхать. Ты представляешь, сколько здесь гостиниц.

— Слушай, можно Гену попросить помочь. Он говорил, что ещё от прежней работы у него хорошие связи остались. Да и у его тестя были друзья в милиции. Пусть попросит кого-нибудь из них навести справки.

— Давай подождём звонка Алии. Может быть, она найдёт что-нибудь в его бумагах.

В молчании досмотрели фильм, и молча ушли спать. Я долго лежал с закрытыми глазами, но сон не шёл. Какое-то тревожное предчувствие беспокоило и не давало заснуть. Несколько часов назад я радовался завтрашнему дню, в котором были запланированы Красная площадь, посещение Третьяковской галереи, прогулка по Арбату. А теперь я сжимал глаза, стараясь заснуть, и всё время возвращался мыслями к телефонному разговору с Алией и с надеждой ждал утра, когда она, возможно, позвонит и скажет, что Жора вернулся, всё в порядке, и нам не надо ни о чём беспокоиться.

Нас рано разбудила дочь. Я чувствовал себя разбитым и не выспавшимся. Мы спустились на один этаж ниже, где позавтракали в буфете. Когда поднимались по лестнице на свой этаж, опять зазвонил мобильник. Жена поспешно достала его из своей сумочки.

— Это Алия, — мимоходом бросила она, прислушиваясь к тому, что ей говорили в телефон. — Алия, ты хорошо подумала? Нужно ли тебе лететь?

Жена ещё пару минут прислушивалась к тому, что ей говорили по телефону и потом нажала на красную кнопку и убрала его снова в сумку.

— Она нашла в бумагах Жандарбека какой-то Московский адрес и номера телефонов. Звонила из аэропорта Манас. Взяла билет на Москву и как раз проходила регистрацию, — растерянно и с каким-то испугом проговорила жена. — Самолёт приземлится в Домодедово около часа.

Именно в этот момент, когда Лида мне сказала о том, что Алия летит в Москву, я понял, что нашему прекрасному отпуску пришёл конец.

— Ну что ж, погуляем по Красной площади и оттуда поедем на Павелецкий вокзал. Алию надо встретить, — обречённо сказал я.

Подавленные неожиданно навалившимися на нас проблемами, мы вышли из номера, спустились лифтом вниз, прошли короткий отрезок до метро и поехали к центру Москвы. Было неважно, где выйти. Охотный ряд или Площадь революции — все дороги вели к Красной площади.

Будний день, а площадь была наполнена людьми. Вот японцы, привычно улыбаясь, делают групповой снимок, вот надменные и чопорные

англичане с безразличием разглядывают собор Василия Блаженного, вот группа школьников из какой-то российской глубинки внимательно слушают свою учительницу, вот несколько бездельников в давно нестиранных, помятых куртках и в истоптанных ботинках курят дешёвые сигареты и без зазрения совести плюют на священные исторические камни площади, вот два монаха истово крестятся на кресты собора, а мимо них тянется длинная очередь к квадратной пирамиде, где лежит мумия человека, изменившего мир — Красная площадь притягивает своей историей, и для каждой веры, для каждой идеологии здесь есть своё место.

В Домодедово мы приехали чуть раньше времени. Самолёт по каким-то причинам опаздывал. Мы поднялись наверх и стали смотреть, как подруливают к зданию аэропорта и отруливают от него самолеты. Дочери это было особенно интересно. Она задавала массу вопросов, на которые я не успевал отвечать. Объявили посадку самолёта из Бишкека. Мы пошли к нужному терминалу. Там пришлось ждать ещё полчаса, пока, наконец-то, не увидели спешащую на выход красивую казашку. Алия нас тоже увидела и пыталась нам улыбнуться, но глаза её были наполнены слезами. Она несла с собой только небольшую спортивную сумку. Очевидно,

рассчитывала пробыть в Москве недолго. Пройдя мимо барьера, Алия в первую очередь обнялась с Лидой. Они не виделись уже несколько лет. Алия не могла сдержать слёз, и моя жена нежно поглаживала плечи, прижавшейся к ней подруги. Наконец, Алия оторвалась от Лиды, опустилась на корточки перед моей дочерью и, прижав её к себе, сказала:

— Какая ты большая стала. — Она повернулась к нам, — когда вы уезжали, ей ведь и года тогда не было?

— Да. Быстро время прошло. Наша Машенька уже в школу ходит, — ответила Лида.

Дошла очередь до меня. Мы обнялись с Алией. Обнимая её, я чувствовал напряжённое тело и тревожный стук сердца. Она уже не плакала. Мы прошли в зал, где нашли пару свободных мест. Надо было решить, что нам делать. Неясно было, где будет жить Алия. Она хотела тут же показать мне бумаги, которые обнаружила в столе своего мужа, но я остановил её. На ходу и в такой обстановке я их смотреть не хотел. Решили ехать в нашу гостиницу и в номере всё обсудить.

Около трёх часов после обеда такси подрулило к нашей гостинице. Пошли сначала в ресторан и пообедали. Всё то время, что мы ждали прилета Алии, во время встречи и сейчас за столом в ресторане меня мучили вопросы. Во-первых, как

быть с женой и дочерью, если мне придётся ездить по Москве и искать Жандарбека? Во-вторых, где ей жить? И в-третьих, есть ли у нее средства, чтобы платить за гостиницу и за все нужные и ненужные услуги. Москва дорогая, это мы почувствовали на своей шкуре с первых дней нашего пребывания здесь. Но мы к этому готовились, экономили на всем, чтобы позволить себе тратиться, не опасаясь остаться в конечном итоге голыми банкротами. Осознаёт ли Алия, какие затраты ей предстоят. Внутренне я уже себя подготовил к тому, что придётся нам помогать ей выходить из ожидаемых финансовых затруднений. Когда Лида, посмотрев на принесённый официантом счёт, посетовала на то, как всё в Москве дорого, Алия, будто прочитав мои беспокойные мысли, сказала:

— А я, когда просматривала бумаги Жандарбека, конверт с деньгами нашла. Доллары. Десять тысяч. Я их с собой взяла.

Она открыла свою маленькую сумочку и вытащила оттуда сложенный вдвое конверт. Я придержал её руку.

— Не надо сейчас и здесь эти деньги показывать.

Алия тут же торопливо спрятала деньги назад. Я выложил несколько крупных рублёвых купюр на стол, и мы поднялись. В холле гостиницы я подошел к администратору.